

И так всегда и повсюду. Военное министерство завалено никуда не годным оружием или никуда не годными гильзами.

Известно, что шоссе одна верста на ровном месте стоит около 2000 р. не более. Недавно потребовали 10 000 на версту, и дали, ясно, что 8000 с версты попадут в карманы строителей.

Как после этого осуждать какого-нибудь мелкого воришку и сажать его в тюрьму, когда у нас великих государственных воров награждают орденами, чинами и дают им лучшие места.

27 сентября. Писал письмо к И. С. Тургеневу в ответ на его записку. Я писал ему, между прочим, следующее:

«Явись теперь у нас в народе нечто вроде Петра Пустынника с крестом в руках, чего доброго для России или настал бы век крестовых походов, или у нас такого Петра Пустынника посадят в полицию, и крестовых походов не будет...»

Восточный вопрос в Крымскую войну раскрыл нам всю нашу мерзость, и тот же восточный вопрос в настоящее время точно так же заворачивает подол России и указывает нам на ее язвы.

Уже за одно это спасибо восточному вопросу. Если и не будет победы, то это волей-неволей наведет у нас всех и каждого на кое-какие размышления. Так суждено нам развиваться нравственно и политически по милости этого восточного вопроса.

И сокрушаюсь, ибо сознаю, что и спустя 20 лет после Крымской войны мы все еще не достойны освободительного дела. Ни умственно, ни нравственно еще не доросли до того, чтобы решить эту трудную задачу — восточный вопрос. Как видно, для того, чтобы решить его, нужна нам воистину святая Русь, а не та, которая „в судах черна неправдой черной“».

28 сентября. Войной пахнет сам воздух, но будет война или не будет — это еще вопрос, не решенный государем. Наследник отослан к государю в Ливадию. Министр финансов тоже. Одним словом, цвет нашей администрации в настоящее время в Крыму. Как-то все эти лица — и в том числе наш посланник в Турции Игнатьев — решат.

Жаль, сказала мне на днях одно из ближайших лиц к наследнику, а именно К. П. Победоносцев, жаль, что наши правительственные лица далеко ниже того, что требуют от нас обстоятельства...

30 сентября. Нынче у фотографа Захарова встретил вдову Лосеву. Муж ее был моряк — адмирал. Я когда-то знал его: это был бодрый, горячий, старый истинный патриот, служака и враг всякой лжи и неправды. Помню, с каким негодованием рассказывал он мне, что в. к. Константин послал чертежи одной новоизобретенной в России пушки (необыкновенной силы) Вильгельму Прусскому, т.е. дяденьке. По части артиллерии Лосев был знаток, под его непосредственным надзором совершалась проба пушек, и он ежедневно ездил на Волково поле. Все чертежи и журналы составлялись под его ведомством на самом месте стрельбы.

И вот вдова Лосева рассказывает мне, что этот замечательно честный моряк и служака, при составлении новых морских штатов, был обойден, мало того, ему назначили в начальники Шварца, бывшего его подчиненного во время кругосветного плавания. Это так его потрясло, что он впал в какое-то болезненное умственное расстройство, и затем он тремя параличами был сведен в могилу. Он

говорил постоянно, что он нуль, что он пустил по миру свою семью, что он забыл, что он не честолюбец, и просил только какого-нибудь более покойного места, чем то, которое вынуждало его каждый день ездить за 10 верст на Винево. В этом ему было отказано.

Во время болезни раз только посетил его граф Бутенев, и так как болезнь его была чисто нравственная, то Бутенев обманул его (по просьбе жены), сказал, что в. к. Константин очень им интересуется и спрашивает о нем. Это развязало язык Лосеву, он заговорил. Но в сущности, в. к. окончательно забыл о его существовании.

«Боже мой! — говорила вдова, — умрет какая-нибудь танцовщица, на ее похоронах великий князь. Заболей она, высокие особы посещают ее, а заболеет или умри патриот, честный служака, никто и знать его не хочет!»

Сию минуту прочел только что полученный «Дневник писателя» за сентябрь 1876 г.

Спасибо Достоевскому, в его писанье много такого, что выливается прямо из глубины русского чувства и русской мысли. Дай Бог, чтобы у него было побольше чтецов. Все это очень скучно, говорила мне про «Дневник» одна барышня, даже не совсем кисейная. Что же скажут кисейные барышни, которым попадет в руки этот дневник, они его и читать не станут. Ну и хорошо, Россия держится не кисейными барышнями.

В. А. ТУНИМАНОВ

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ О В. А. ПАНАЕВЕ

Валериан Александрович Панаев (1824—1899) — двоюродный брат писателя, критика и редактора Ивана Ивановича Панаева — литератора, хорошо знакомого Ф. М. и М. М. Достоевским. Ф. М. Достоевский высоко ценил «Литературные воспоминания», фельетоны и фельетонные повести И. Панаева (особенно «Литературную тлю», «Петербургского литературного промышленника», «Русского фельетониста», «Опыты о хлыщах»). Знаком был Ф. М. Достоевский и с В. А. Панаевым, будущим инженером-путейцем, что неудивительно: Панаевы были очень дружны. Валериан Александрович не просто хорошо знал окружение своего литературного брата. Одно время он даже жил на одной квартире с В. Г. Белинским, о чем интересно, с яркими подробностями рассказал в своих замечательных мемуарах.¹ Рассказал там В. А. Панаев и о своих встречах с Ф. М. Достоевским. Запомнился Панаеву вечер, который устроил его брат с чтением «Бедных людей»: «Белинский, Некрасов и Григорович знали уже этот роман по рукописи, и Иван Иванович устроил вечер исключительно для прочтения еще рукописи этого произведения другим литераторам и знакомым.

¹ В полном виде мемуары В. А. Панаева до сих пор еще не изданы. Самая авторитетная и большая публикация глав воспоминаний дана в приложениях к книге: Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1987. С. 147—273.

Я присутствовал на этом чтении; читал сам Достоевский, тогда человек конфузливый; но его чтение произвело на всех потрясающее впечатление».²

Впрочем, близкие отношения между ними не установились. Для этого не было серьезных оснований, а разрыв Достоевского, очень скоро происшедший, с Белинским и его литературным кругом исключил возможность даже случайных встреч. В. А. Панаев вспоминает об этом, ничего не приукрашивая и не придумывая, но явно защищая своего любимого брата: «Я очень мало знал Достоевского. Быть может, не более десятка раз встретился я с ним, и никакого серьезного разговора вести с ним не случалось. Он скоро перестал бывать у Ивана Ивановича; вышел какой-то разлад, в котором последний не был ни в чем виноват. Причину разлада приписывали Тургеневу; и если я не ошибаюсь, то враждебность между этими двумя писателями продолжалась до конца их жизни.

Итак, я не имею никаких данных для того, чтобы вывести какое-либо заключение о Достоевском из моих личных к нему отношений. Одно только можно было заметить даже в то короткое время, когда он посещал Ивана Ивановича, что Достоевский был очень раздражителен и щекотлив».³

Далее В. А. Панаев высказал свой «личный взгляд на Достоевского как писателя», противоположный тому, что о нем писали профессиональные критики: «Меня всегда несколько коробило и коробит, когда даже поклонники Достоевского стремятся проводить параллель между ним и другими писателями: Тургеневым, Толстым и Гончаровым. Каждый предмет должен для сравнения с другим мериться соответствующей ему мерою. <...> Достоевский был глубочайший мыслитель, как Гоголь. Их надо мерить не только в длину и ширину, но и в глубину, тогда как к поименованным пред сим трем писателям подходит мера квадратная. <...> Я отнюдь не хочу умалить этим достоинства означенных писателей, но дело в том, что они представляют предметы по существу своему несоизмеримые с двумя другими писателями, как Гоголь и Достоевский».⁴ Обстоятельство, что «раздражительность» Достоевского не прошла с годами, Панаев склонен был объяснять тем, «что к его оценке прилагали мерку, к нему не подходящую, и не измеряли страшную глубину его мыслей, которые он старался передать людям».⁵

Бесспорно, это независимый и весьма сочувственный отзыв о писателе, творчество которого было близко В. А. Панаеву: «...он мстами достигал такой художественности и в то же время глубины, как никто».⁶

О личных контактах между Ф. М. Достоевским и В. А. Панаевым в более позднее время известно немного. Им привелось встретиться

² Григорович Д. В. Литературные воспоминания. С. 226. В. А. Панаев вспоминает литературный вечер 15 ноября 1845 г., о котором подробно рассказывает А. Я. Панаева (Панаева А. Я. Воспоминания. М., 1972. С. 142).

³ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. С. 226—227.

⁴ Там же. С. 227.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 228.

в самом конце 1877 г. на похоронах Н. А. Некрасова.⁷ Оба выступили с речью над гробом поэта. Первым говорил В. А. Панаев: «Сказав, что Некрасов, будучи самородком, благодаря своей встрече, на заре своей жизни, с другим самородком, Белинским, вышел на путь, стяжавший ему славу народного поэта, г-н Панаев, на основании своего 38-летнего близкого знакомства с покойным, торжественно удостоверяет, что Некрасов и как человек был на высоте своего поэтического дарования».⁸ Сразу после Панаева говорил Ф. М. Достоевский, речь которого произвела огромное впечатление на слушателей (она была им воспроизведена в декабрьском, «некрасовском», выпуске «Дневника писателя»).

Есть все основания предполагать, что Достоевскому запомнилось надгробное слово В. А. Панаева, одного из тех, кому был памятен триумф его первого романа «Бедные люди». Существует единственный, но очень теплый отзыв Достоевского о Панаеве и его брошюре (не непосредственный, правда, а в передаче В. Ф. Пуцковича), приложенный редакцией эмигрантского издания «На чужой стороне» к публикации С. О. Якобсона «Письма Ив. Серг. Аксакова к В. Ф. Пуцковичу» («Мелочи»). Приводим далее весь текст публикации.

Мнение о моей брошюре глубокого мыслителя Ф. М. Достоевского, каковым его признала вся русская литература

Однажды я дал прочесть мою брошюру издателю газеты «Гражданин» В. Ф. Пуцковичу и получил от него следующее письмо:

8 марта 1878.

Многоуважаемый Валериан Александрович!

Пишу это письмо под новым впечатлением одного разговора, близко касающегося и небезынтересного для Вас.

Во всех моих литературных и издательских делах я всегда советуюсь с Ф. М. Достоевским. Ввиду этого дней пять тому назад я дал ему для прочтения Вашу «Политическую реформу», прося его высказать откровенно свое мнение насчет *profession*. И вот что он сказал сейчас. Передаю по возможности подлинные его слова:

«Я так увлекся этою книгою, что целые сутки был болен от волнения. Все в этом роде наболело у меня. Мысль, что я могу умереть,

⁷ Некрасов, вспоминает В. А. Панаев, «появился у Ивана Ивановича Панаева одновременно с Достоевским в конце 1845 года» (Там же).

⁸ Засодимский П. В. Похороны Некрасова // С.-Петербургские ведомости. 1877. 31 дек. № 360. «Громадным самородком» назвал Панаев Некрасова и в «Воспоминаниях», где он возмущенно (подобно Достоевскому в «Дневнике писателя») выступил против клеветников и пасквильянтов: «...у Некрасова не было ничего сделанного и напускного. То, что он писал, было у него прочувствовано, и искренность этого прочувствованного слишком выразительно выливалась в его <...> слове. На Некрасова после его смерти стали клеветать, что он не только был кулаком в отношении сотрудников журнала, но будто бы не рассчитался и остался им должен. Более худшей лжи по отношению к Некрасову нельзя и придумать» (Григорович Д. В. Литературные воспоминания. С. 229—230).

не пустив в обращение этих идей, не давала мне покоя. Всю статью, целиком до самого проекта, необходимо напечатать в „Гражданине“ не только как передовую журнала, но как основную программу журнала. Панаев пишет как умный человек, ясно, спокойно и твердо. Катков пишет сильно, действуя на нервы. Панаев пишет действуя на ум и убеждения. Этого мало. Мыслит он как первоклассный мыслитель, и вообще талантливый писатель и интересный человек.

Ваш В. Пуцкович.

P.S. На книге Достоевский наделал поместок. Вообще, он от Вашего *profession* положительно в восторге, и все твердил, что главные идеи его детище, хотя и говорил, что Вы у него не заимствовали.

Заметка эта написана Валерианом Александровичем Панаевым — известным инженером путей сообщения и автором ряда брошюр по политическим, социальным и экономическим вопросам (см.: Воспоминания В. А. Панаева // «Русская старина» за 1893 и последующие годы).

Ответственность за точность передачи отзыва Достоевского лежит, конечно, на авторе письма. Копия письма Пуцковича хранится в Dokumentensammlung Darmstaedter Прусской государственной библиотеке. Сообщено нам С. О. Якобсоном.⁹

Перу В. А. Панаева принадлежало несколько брошюр и книг, в том числе «Восточный вопрос» (1877), «Финансово-экономические вопросы» (1888), «Общинное землевладение и крестьянский вопрос. Собрание брошюр и статей» (1881). В письме В. Ф. Пуцковича речь, возможно, идет о брошюре «Финансово-экономические вопросы». Экземпляр брошюры с пометами Достоевского, должно быть, не сохранился. Но ценно датированное свидетельство Пуцковича: Достоевский в первых числах марта 1878 г. читал книгу Панаева, которую оценил чрезвычайно высоко. Суждения его об авторе восторженные: «первоклассный мыслитель», «талантливый писатель», умный и интересный человек. Никаких оснований для мистификации или искажения слов Достоевского у Пуцковича не было. Брошюры и книги В. А. Панаева должны войти в круг близкой и с особым вниманием прочитанной Достоевским литературы в последние три года жизни писателя.

⁹ На чужой стороне. Берлин; Прага, 1924. С. 158.

С. Н. ДАУГОВИШ

О ВОЗМОЖНОМ ЛУБОЧНОМ ПОДТЕКСТЕ
РАССКАЗА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «СКВЕРНЫЙ АНЕКДОТ»

Одержимый тайной мечтой о «повсеместной популярности», его превосходительство Иван Ильич Пралинский обретает надежду на «патриархальное», «высоконравственное» и «изящное» развитие «народного» сюжета со своим участием в момент неожиданного появления «славной русской старухи» «в чепчике, к которому она, видимо, не привыкла» (см.: 5, 13—14, 20—21). При этом, как подчеркнуто в рассказе, в руках у родительницы Пселдонимова, простой русской женщины, «был небольшой круглый поднос» для угощения вином (5, 20). Обе эти детали (чепчик и поднос) заимствованы из лубка.

В 1861 г., после укоренения в литературном обиходе добролюбовских насмешек над «статейками о настоящем времени», публикация труда И. М. Снегирева¹ «Лубочные картинки русского народа в Московском мире» вряд ли могла восприниматься нейтрально. Текст сочинения, посвященного низовым формам искусства, начинался словами: «В то самое время, как проявления русской народности в жизни, искусстве и письменности составляют предметы разносторонних наблюдений и ученых исследований, — не будет излишним и несвоевременным обозрение русских, или вернее сказать, московских лубочных картинок, соединяющих в себе письменность с изображениями».²

Контаминацией вариантов «бессмертной фразы»,³ возможно, маркирован Ф. М. Достоевским зачин рассказа: «Этот скверный анекдот случился именно в то самое время, когда...» (5, 5).

¹ В. Н. Топоров установил, что отец Ф. М. Достоевского был «добрым знакомым И. М. Снегирева», «жившего неподалеку от Мариинской больницы, у Троицы, на углу Троицкой ул. и 3-го Троицкого пер.». См.: Топоров В. Н. Еще раз об «умышленности» Достоевского // FINITIS DUODECIM LUSTRIS: Сб. статей к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллин, 1982. С. 128.

² Лубочные картинки русского народа в Московском мире / Соч. Ив. Снегирева. М., 1861. С. 1.

³ Чутко откликнулся на парадигматичность «фразы» Д. Д. Минаев, поместивший в седьмой книжке «Свечка» за 1860 г. стихотворение «Современная песня»:

Я за квартиру плачу очень дорого,
Злость ведь берет, господа:
Как это смеют так драть, словно с вора,
В настоящее время, когда...

Кликнешь ли ваньку с измученной клячей,
Едешь — полсутки езда.
Такса хоть есть, — а берет он с придачей
В настоящее время, когда...

Горе ль в трактире лечить станешь водкою,
Водка — не водка, — вода,
Воду закусишь гнилою селедкой
В настоящее время, когда...